

Богданов, А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии / А. А. Богданов. – М.: Республика, 2003. – 400 с.

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Ганзен, В. А. Системные описания в психологии. / В. А. Ганзен. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.

Гибсон, Дж. Восприятие как функция стимуляции / Дж. Гибсон. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1382.html>

Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: ИД «Территория будущего», 2005. – 464 с.

Запорожец, А. В., Венгер, Л. А., Зинченко, В. П., Рузская, А. Т. Восприятие и действие. / А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко А. Т. Рузская. – М.: Просвещение, 1967. – 321 с.

Ивашкевич, И. Н. Лексическая категоризация / И. Н. Ивашкевич // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 174-200.

Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 2010. – 160 с.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.

Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Наука, 1975. – 267 с.

Магировская, О. В. Категориальная конфигурация знаний / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 121-151.

Мур, Дж. Э. Природа моральной философии / Дж. Э. Мур. URL: <http://www.gazum.ru/naukaobraz/psihfilosofiya/176096-mur-dzh-e-prigoda-moralnoy-filosofii.html>

Тюхтин, В. С. Отражение, системы, кибернетика / В. С. Тюхтин. – М.: Наука, 1972. – 256 с.

Рассел, Б. Словарь разума, материи, морали / Б. Рассел. – Киев: Port-Royal, 1996. – 365 с.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1983. – 837 с.

Фреге, Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / Г.Фреге. Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

Шкуратова, И. П. Личность и ее жизненное пространство / И. П. Шкуратова // Психология личности. Уч. пос под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 167-184.

Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. Пер. с нем. под ред. В. Зеленского. – СПб, М.: Ювента, Прогресс-Универс, 1995. – 721 с.

Summary. The article dwells upon ontological relation as a correlation of cognitive and sensuous experience which appears to be the ground for broadening our cognition which is based on the relations acting as mediators abstracted from the original function and characterizing the interdependence of the elements of the conceptual system. It is the source of the generation of the meaning.

Стебунова К. К.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
stebunova@bsu.edu.ru

Взаимодействие языка, сознания и мышления, соотношение значения и смысла представляют неугасаемый исследовательский интерес для лингвокогнитивного осмысления механизмов межкультурной коммуникации, особенно когда речь заходит о сохранении в тексте перевода когнитивно-прагматической ауры вокруг создаваемой фразеологизмами художественной картины мира. Совокупность знаний о мире и способы накопления, хранения и представления этих знаний обуславливают специфику языковой личности. «Будучи неотъемлемым компонентом сознания, язык является его инструментом, выступая как посредник между человеком и концептуальной картиной мира, отображае-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. №14.А18.21.0993.

мой им в языковых формах» (Телия, 1986. 103). Элементы концептосферы автора художественного произведения закономерным образом фрагментарно реализуются с помощью фразеологических единиц (ФЕ). Задачей любого переводчика при этом становится определение этих ключевых моментов текста и адекватная передача их на другой язык.

Среди основных вопросов возникшей в 50-60-х годах XX века лингвистической теории перевода важное место занимает проблема установления межъязыковых соответствий, вытекающая из понимания перевода как деятельности, нахождение общих способов выражения значений в языковых единицах ИЯ и ПЯ и поиск того, как преодолеть различные способы выражения (Сдобников, 2009: 21). Самое прямое отношение это имеет к переводу ФЕ, процесс перевода которых не сводим к простому перекодированию. Согласно современной коммуникативно-функциональной теории перевода (Швейцер, 1988), «переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект» (Сдобников, 2009: 23).

Что касается читательского восприятия ФЕ в художественном переводе, то оно несколько затруднено так называемым лингвоэтническим барьером. Любой реципиент в процессе осваивания смысла фраземосодержащего текста, как правило, пользуется определённым набором правил. Для каждого языка этот набор особый (в частности, для русского и английского языков, которые, будучи неблизкородственными, значительно разошлись в грамматике и фраземике), присущий только данной этнокультуре. Другие правила, реализуемые в некотором тексте, воспринимаются им как ошибочные. Все, что кажется ему странным, непонятным, является сигналом присутствия в тексте языковых феноменов, соотнесенных с неидентичными реципиенту психологическими типами и понятийными структурами (Сорокин, 1977: 166). В отличие от классической художественной прозы, «массовая «художественная» проза универсальна и все более легко переводится с любого языка на любой», что, по мнению специалистов, является издержками так называемой глобализации (Елистратов, 2009. 181).

Обязательным условием научного анализа перевода ФЕ является их соотнесение, сравнение, сопоставление и противопоставление, поскольку операция сравнения универсальна для человеческого восприятия (Серебренников, 1988 85) Интерлингвистические связи во фразеологии европейских языков объясняются общностью культурных традиций, берущих свое начало в античности и христианстве – это касается общеязыковой фразеологии. Отсюда следует, что механизмы фразеомообразования в сопоставляемых языках в некоторой степени будут иметь черты принципиального сходства. Межъязыковые фразеологические эквиваленты имеют общие для обоих языков структурные модели как правило, это сравнительные обороты со сравнительным союзом, глаголы с разными типами управления. Их можно принять за пословный перевод ФЕ, но в отличие от калькирования как способа перевода, эквивалентность отличается тем, что во фразеологическом фонде переводного также существует аналогичная ФЕ. Полная межъязыковая эквивалентность отличает небольшое число ФЕ. Так, например, фразеологические эквиваленты совпадают и в обозначаемом понятии, и в смысловом содержании, и в языковой форме, и в стилистической окраске (ср. **дрожать как лист – to tremble like a leaf; не верить <своим> глазам – not to believe smb's eyes; с ног до головы – from head to foot**).

В связи с этим при анализе переводного текста встает вопрос о соотношении переводческих трансформаций и наличии межъязыковых фразеологических соответствий. Различия во фразеологическом составе сопоставляемых текстов обусловлены прежде всего, особенностями структурно-грамматического и синтаксического строя русского и английского языков. Однако эта сложность преодолима многолетней практикой перевода. Межъязыковые фразеологические аналоги носят больше дифференциальных черт, однако продолжают сохранять отдаленное структурное сходство; появляются более существенные различия в семном составе, в возможной сфере употребления. Так, наряду с фразеологическими аналогами в языке перевода происходит огромное количество трансформаций, причем трансформационный перевод не связан в данных случаях с культурными реалиями русского языка (Ср. фразеологический аналог: *Теперешний царь Микола, что сидит третьим за мною, и в подмётки ему не годится.* – *The dog boy we've got now, Mikola, who's sitting next but two from me, isn't worth the sole of his shoe* Трансформационный перевод: *Чартков принялся за дело, усадил оригинал, сообразил*

несколько всё это в голове. – *Chartkov set to work, seated his model, and composed a mental picture of the scene.* – Меня так свыше и вразумило. – *It suddenly dawned on me* и др.).

Так как ФЕ генетически восходит к понятию (Алефиренко, Золотых, 2004: 113), способы реализации языкового значения во ФЕ являют собой особенности понятийных структур того или иного этносознания. Включение в качестве компонента реалий русской культуры снимает возможность эквивалентности ФЕ (**во всю ивановскую, бить челом, ни знать ни аза, заткнуть за пояс**). В художественном переводе на месте соответствия возникает либо описательный оборот (**double quick time, beg your noble favour, fail to learn a single letter of their alphabet**), либо лексема (**outshine**), либо ФЕ опускается вообще. Таким образом, образная основа многих ФЕ, традиционно трактуемых как этнокультурно окрашенные, в контексте перевода имеет в языке перевода особую форму выражения.

Помимо структурных, а также этноязыковых особенностей бытования ФЕ (связанных с участием в косвенно-производной номинации компонента-культуронима), нельзя не обратить внимание на их функционирование в художественном дискурсе. В тексте ФЕ моделируется с учётом своего инварианта, зафиксированного в словаре, и художественных особенностей языка писателя. Так, у Н. В. Гоголя зачастую встречается обратный порядок слов; для его языка характерна развитая синонимика (ср. *смотреть <прямо> в глаза – глядеть в очи*), употребление ФЕ в значении, отличающемся от общеязыкового. Писатель зачастую вводит в художественную речь не общеязыковую, а модифицированную ФЕ, где вновь появившийся компонент устанавливает необычные, хотя вполне допустимые, ассоциативные связи и рождает новый образ: (**«заварилась дурь почище сна» – заварилась каша; «не пришло в мысль» – приходит в голову; «чист на своей совести» – чист на руку, с чистой совестью** и др.). Представляется очевидным, что такие особенности стиля передать практически невозможно, однако стилистические коннотации восполняются за счёт добавления нефразеологических компонентов, выражающих их периферийную коннотативную семантику.

Несмотря на это, мы наблюдали контексты, в которых переводчик посчитал своим долгом распрямить внутреннюю образность фраземы, ср.: **заехать к Сопикову и Храповицкому**, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях... – ... as the phrase: **'paying a call on Sopikov – old Wheezer – or Khrapovitsky – the Snorer'**; which signifies any sort of log-like sleep on the back, the side and in every other imaginable position. Переводчик воспользовался приёмом калькирования для того, чтобы раскрыть речевой смысл фраземы Тем не менее, в английском языке существует идиома *up the wooden hill to Bedfordshire* 'отправляться наверх, спать' с тем же самым значением. Фразеомобразование в данном случае происходит по схожему принципу, поскольку лексемы, вербализующие внутреннюю форму русской и английской идиом, ассоциативно связаны с состоянием сна: русские фамилии Сопиков и Храповицкий образованы от глаголов *спать* и *храпеть* соответственно, а название реально существующего графства Бедфордшир отсылает к слову *bed* – 'кровать'. Почему же автор перевода не использовал здесь приём функциональной замены? Ведь такая замена была бы более понятна и близка англоязычному читателю. Однако надо сказать, что любой переводчик должен критически к подобного рода «совпадениям». Внутренняя форма англоязычной фраземы включает чёткий этнокультурно окрашенный маркер, топоним, и ни к эпохе, описываемой в поэме «Мёртвые души», ни к географическому месту действия, ни к культурной принадлежности автора и его персонажей, отношения не имеет.

Понятие художественного концепта, трактуемого нами как единицу ментальной сферы языковой личности, которая в художественном тексте реализуется комплексом особых смыслов, служащих для воплощения авторских интенций и принципиально личностно важных идей, по нашему мнению, позволяет расширить пространство для изучения сферы авторского в оригинальном и переводном художественном тексте. Так, например, рассмотрим художественный концепт «Манилов» и знаменитый фразеологический контекст, описывающий его ядерные смыслы: *Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан. ... а в третью скажешь: «Чёрт знает что такое!» – и отойдёшь подальше.* – *There's a certain type of person who is neither one thing nor the other, not fish nor fowl, neither town mouse nor country mouse, as the proverb has it.* Как мы видим, как Гоголь, так и пере-

водчик успешно используют приём градации, однако при этом второй далеко ушёл от оригинала и не стал распределечивать ФЕ с компонентами-именами собственными, используя в своей работе аналоговые ФЕ. По языковому материалу оригинального текста довольно ясно узнаётся и эпоха Гоголя, и его индивидуально-авторский стиль (ФЕ с компонентами *бог* и *чёрт* широко используются в гоголевском дискурсе и включены в речевую характеристику персонажей разных произведений). Во многих фразеологических словарях по поводу ФЕ *ни в городе Богдан ни в селе Селифан* даётся отсылка именно к гоголевскому тексту. Тем не менее, задача переводчика по осмыслению, выделению и вербализации ядерных смыслов художественного концепта решена.

В безэквивалентных ФЕ наиболее ярко отражается национальная специфика, отражающая бытовую, этикетную, культурологическую стороны жизни, поэтому для передачи этнокультурно окрашенного содержания необходимо либо заменить национально окрашенный компонент другим, маркированным собственной культурой, либо использовать приём калькирования, либо нивелировать этнокультурные особенности, ограничившись передачей общего смысла высказывания. Как мы объясняли ранее, переводчик был абсолютно прав, пойдя по второму либо третьему пути. Таким образом, необходимо констатировать, что культурные коннотации являются камнем преткновения в процессе перевода этнокультурно окрашенных текстов, коими без преувеличения являются произведения Н. В. Гоголя. Однако стоит заметить, что при переводе фразеологизмов утрачивается лишь денотативная основа ФЕ (ситуация, образовавшая её внутреннюю форму, актуализировав по большей части произвольные её характеристики), а проблема ретрансляции смысла решается за счёт иных лексических средств.

Переводчик Н. В. Гоголя Кристофер Инглиш отмечает, что ему известны как минимум 11 переводов одних только «Мёртвых душ» на английский язык. Существуют также такие переводы, как «Мертвые души» Д. Хогарта, переводы Г. Толстого и И. Хапгуд из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», несколько вариантов переводов комедии «Ревизор», работы М. Бересфорда (1998 г.). Произведения русского писателя переводятся также на немецкий, французский, итальянский языки. Наконец, нужно отметить, что сам Н. В. Гоголь – не только замечательный писатель с неповторимым стилем, но и переводчик. В свете выделенных нами проблем и особенностей перевода согласимся с ним в том, что допустимо «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе» (Гоголь, 1940: 311).

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межкультурного взаимодействия): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2004. – 296 с.

Гоголь Н. В. М. А. Максимовичу, 20 апреля 1834 г. / Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: В 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 10. – С. 310-312.

Елистратов, В. Язык как зеркало эпохи / В. Елистратов // Дружба народов, 2009. – №10. – С. 179-192.

Сдобников, В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении / В. В. Сдобников // Вестник Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. – №2. – С. 19-30.

Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

Сорокин, Ю. А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 166-174.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

Швейцер, А. Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода / А. Д. Швейцер // Методы сопоставительного изучения языков. Сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 59-65.

Summary. The article deals with the problem of idiomatic matches between original and translation discourses in the course of analysis of N. Gogol's phraseology. Some ways of idiomatic representation in both contexts are noted.